

- ²⁹ Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 249.
³⁰ Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 293–294.
³¹ Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 276.
³² Там же. С. 302.
³³ Кляцкин С. М. К вопросу об использовании русской армии для нужд обороны Советской республики. С. 30.
³⁴ Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 302.
³⁵ Кляцкин С. М. На защите Октября. С. 85.
³⁶ Там же. С. 85–86.
³⁷ Подробнее об этом формировании см.: Симонов А. А.

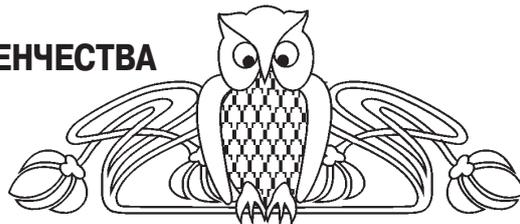
- Астраханский поход «Восточной армии по борьбе с контрреволюцией» // Партизанская и повстанческая борьба : опыт и уроки XX столетия. Доклады академии военных наук (Поволжское отделение, воен. история). № 3 (38). Саратов, 2009. С. 91–95.
³⁸ Молдавский Б. Обзор военных событий от 11-го декабря 1917 года до 15-го сентября 1918 года // Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 30.
³⁹ Базанов С. Н. Выход России из войны, демобилизация армии и заключение Брестского мира // Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 397.

УДК 316.344.34–05.87(470.44)(09)

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА СТУДЕНЧЕСТВА ВУЗОВ В г. САРАТОВЕ В 1920-е ГОДЫ

Н. В. Стребкова

Саратовский государственный университет
E-mail: hope8917@gmail.com

В статье рассматривается динамика социального состава студентов вузов г. Саратова в 1920-е гг. Автор анализирует связь между изменениями в социальном составе и постановлениями правительства.

Ключевые слова: студенты, социальный состав, постановления, рабоче-крестьянская прослойка.

The Dynamics of Social and Class Structure of University Students in Saratov during 1920s

N. V. Strebkova

The article devoted to the dynamics of change in the social class of university students in Saratov during 1920s. The author analyzes the connection between changes in the social structure and government resolutions.

Key words: students, social class, resolution, working class and peasantry.

Временное правительство своим декретом от 3 марта 1917 г. отменило все национальные и сословные ограничения, в том числе и для поступления в высшие учебные заведения¹. Это сказалось на приеме в вузы уже осенью 1917 г. Например, если на 1 января 1917 г. в Саратовском университете числилось 1072 студента, то на 1 января 1918 г. там занималось уже 2250 студентов². Советская власть пошла дальше и поставила своей задачей «довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 года дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества»³. Так, накануне нового 1918/1919 учебного года В. И. Ленин разработал проект постановления Совета Народных Комиссаров «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР», в котором содержались указания Комиссариату народного

просвещения о проведении мероприятий, обеспечивавших рабочим и крестьянам свободный доступ к высшему образованию. «На первое место, – говорилось в проекте, – безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии»⁴. Тем самым создавались значительные привилегии для рабоче-крестьянской прослойки и затруднялся доступ в высшие учебные заведения представителям прочих социальных слоев.

2 августа 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения», которыми был предусмотрен прием в высшие учебные заведения всех граждан обоего пола, достигших 16 лет. Воспрещалось требовать от поступающих какие бы то ни было документы, кроме удостоверения об их личности и возрасте. Отменялась плата за обучение, была установлена государственная стипендия студентам⁵. Все это вызвало огромный наплыв трудящейся молодежи в высшую школу.

Особое внимание на формирование социального состава студенчества стали обращать властные и партийные органы после окончания гражданской войны. Провозгласив доступность высшей школы для трудящихся и открыв двери вузов для рабоче-крестьянской молодежи, Советское государство в течение 1921–1927 гг. добилося в этом направлении значительных успехов. Социальный состав студентов изменился, в их числе стала преобладать рабоче-крестьянская прослойка. Главную роль в реализации этой задачи сыграла деятельность рабфаков и введение новых правил приема⁶.

Однако оказалось, что многим поступившим университетское обучение не под силу, и поэто-

му в феврале 1919 г. при Институте народного хозяйства им. Плеханова был открыт рабочий факультет. Затем рабфаки были организованы при всех университетах. В постановлении Народного комиссариата просвещения от 11 сентября 1919 г. говорилось: «Открыть при университетах республики подготовительные курсы, как автономные учебно-вспомогательные учреждения, имеющие целью подготовку в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу, присвоив им название рабочих факультетов». Первоначальный срок обучения на рабфаках составлял 6 месяцев, но этого оказалось недостаточно, и его продлили до 2, затем 4 лет. Набор на рабфаки проводился только по направлениям райкомов РКП, комсомола, профсоюзов. К концу Гражданской войны насчитывалось 74 дневных рабфака и 14 вечерних, на них обучалось несколько десятков тысяч человек⁷. Помимо очевидной цели подготовить представителей рабоче-крестьянской прослойки к обучению в вузах рабфаки также выполняли задачу по изменению социального состава студентов.

Именно правила приема в высшие учебные заведения стали основным средством, определившим социальный состав учащихся, и были составлены так, чтобы представители рабочих и беднейшего крестьянства имели реальную возможность попасть на студенческую скамью, несмотря на слабую подготовку. Новые правила приема, выработанные в 1921 г. Агитпропотделом ЦК РКП (б) совместно с Главпрофобом, устанавливали принцип командирования на учебу. Вместо объявленной ранее полной свободы поступления в университет всех граждан, достигших 16-летнего возраста, узаконивалась другая крайность. В первую очередь принимались члены Коммунистической партии, во вторую – лица, рекомендованные комсомолом, профсоюзами, различными советскими учреждениями. Остальные граждане принимались только при наличии свободных мест. Правила приема усложнялись тем, что все поступающие сдавали экзамены по политической грамотности⁸. Поэтому неудивительно, что с 1921 г. началось быстрое изменение социального состава студентов. В вузы в большом количестве поступали рабочие, красноармейцы, партийные и комсомольские работники и активисты.

В 1921 году также был введен принцип командирования в вузы абитуриентов партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, которые были обязаны руководствоваться «классовым» принципом при отборе кандидатов. Поступающие, получившие командировку, принимались в первую очередь, однако должны были иметь уровень подготовки, предъявляемый к выпускникам школ II ступени и рабочих факультетов. Следует отметить, что в 1921 году не запрещалось принимать в высшую школу людей, не имевших командировок, хотя они попадали на нижнюю ступень иерархической лестницы поступающих и поэтому зачислялись в последнюю

очередь, в случае наличия свободных мест. Начиная с 1922 года, согласно правилам приема, поступление лиц без командировок в советские вузы было ограничено, а в некоторые – вовсе закрыто. Общее количество вакантных мест распределялось между командировавшими организациями: рабочими факультетами, ЦК РКП (б), ВЦСПС, ЦК РКСМ, ПУР, которые должны были направлять на учебу кандидатов, отвечавших классовым принципам. Таким образом, классовое происхождение абитуриента стало решающим фактором при его приеме в высшую школу⁹.

10 апреля 1923 г. коллегия Главпрофоба одобрила Положение о приеме на рабфаки. Оно вводило еще более жесткую регламентацию и ставило серьезные преграды для поступления на рабочие факультеты нежелательных элементов. По новым правилам на рабфак зачислялись следующие категории: рабочие с трехлетним стажем физического труда и рабоче-крестьянским происхождением; крестьяне, проработавшие не менее 3 лет без использования наемного труда, выходцы из беднейших крестьянских слоев; члены РКП (б) и РКСМ с трехлетним стажем пребывания в этих организациях и не менее года занимавшиеся физическим трудом; члены РКП (б) и РКСМ, имевшие трехгодичный стаж пребывания в своих организациях, не занимавшиеся физическим трудом. Регламентировалось и распределение мест на рабфаки: 60% студентов зачислялось по рекомендации профсоюзов, 30% – партийных организаций, 10% мест отводилось для представителей крестьянства, которые направлялись по рекомендациям волостных ячеек РКП (б) и РКСМ¹⁰.

Новые правила приема и комплектования студенческого состава вскоре отразились на вузах страны. Рассмотрим их результаты на примере саратовских высших учебных заведений. Так, в Саратовский государственный университет в 1923/24 учебном году на первый курс было зачислено 1240 человек, из которых рабочих и их детей было 287 человек, крестьян и их детей – 578 и трудовой интеллигенции – 360¹¹, то есть по результатам этого приема рабочие и крестьяне составили 55,2% всех принятых¹². В 1924/25 учебном году состав поступивших в СГУ был следующий: рабочих с производства – 22%, крестьян – 33,2%, служащих – 18%, интеллигенция – 24,25%, ремесленников – 2,6%. В 1925/26 учебном году из всех обучавшихся в вузах Саратова студентов (5281) рабочих и их детей было 1230 человек (22,4%), крестьян и их детей – 2007 (39%), служащих и их детей – 1469 (29,6%), лиц интеллигентного труда – 378 (7,8%), лиц, живущих на нетрудовой доход – 97 (1,8%)¹³. Все принятые по саратовским вузам в 1926 г. 1060 человек по социальному положению распределялись таким образом: рабочих – 31 человек (2,92%), крестьян – 84 (7,93%), служащих – 300 (28,3%), прочих – 645 (60,85%). В группу «прочих» по положению были отнесены

учащиеся, окончившие подготовительные к вузу ступени школ, главным образом дети различных социальных слоев по происхождению. Из их числа выходцы из рабочих составили 107 человек (16,59%), крестьян – 193 (29,92%), служащих – 212 (32,87%), трудовой интеллигенции – 62 (9,61%), прочих – 71 (11,01%). Таким образом, рабочие и крестьяне в этом приеме составили 16,72% и 36,43% соответственно¹⁴. При сравнении социального состава поступивших в 1926 г. с предыдущим 1925 г. следует отметить снижение рабоче-крестьянской прослойки и повышение служилого и прочего элемента. Особенно резкое снижение наблюдалось в СХИ (на 16%) и СВИ (на 11%), в то время как в СГУ на медфаке – на 0,2% и на факультете хозяйства и права – на 0,3%. Между тем именно СХИ и СВИ готовили кадры только для деревни. Наблюдалось и снижение приема рабочих: в СХИ на 4,5%, в СВИ на 5,8%. Удельный вес служащих повысился: в СХИ на 12%, в СВИ на 8,7%, в СГУ на педфаке на 6,5%, на ФХП на 5%.

В июне этого же года член ЦК Рабпро-са Ф. В. Кипарисов отмечал на заседании Президиума ЦК Союза работников просвещения и коллегии НКП, что «важнее для хозяйственного развития иметь хорошего инженера, а не плохого инженера обязательно из рабочей среды»¹⁵.

В саратовских высших учебных заведениях продолжало наблюдаться небольшое уменьшение рабоче-крестьянского состава поступающих. Например, при сравнении социального состава подавших документы на ФХП СГУ в 1927 г. с 1926 г. можно отметить следующее: в 1926 г. рабочих и их детей было 40 (22,6%), крестьян и их детей – 48 (27,1%), служащих – 15 (8,5%); в 1927 г. соответственно 64 (42,7%), 49 (32,7%), 5 (3,3%)¹⁶. В следующем 1929/30 учебном году из 330 человек, принятых на педфак СГУ, рабочие и крестьяне составляли 79%¹⁷. В этот же учебный год (1927/1928) на ФХП было принято 150 человек, из них рабочие и крестьяне составили 75,4% (113 человек)¹⁸, в сельскохозяйственный институт – 155 человек, из которых рабоче-крестьянская прослойка составила 97 человек¹⁹. В ветеринарном институте в этом же году рабоче-крестьянская прослойка составила 53,32% всех поступивших²⁰.

Таким образом, динамика социального состава студентов вузов Саратова развивалась скач-

кообразно. После очередного постановления СНК происходило увеличение удельного веса рабоче-крестьянской прослойки, затем следовало падение и вытеснение рабочих и крестьян представителями других социальных групп. Принималось новое постановление, и процесс повторялся. Но все-таки к концу 1920-х гг. в вузах страны, в том числе и саратовских, среди студентов преобладали представители рабоче-крестьянской прослойки.

Примечания

- ¹ Российское законодательство Х–XX вв. : в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 123.
- ² Архив СГУ. 1917. Д. 49. Л. 10, 72.
- ³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1970. С. 48.
- ⁴ Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1965). М., 1967. С. 15.
- ⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М., 1975. С. 549.
- ⁶ История Ленинградского университета. Л., 1969. С. 254.
- ⁷ Аврус А. И. История российских университетов. Саратов, 2005. С. 98.
- ⁸ Квакин А. В., Постников Е. С. «Завоевание высшей школы» : Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1930-х годов). М., 2009. С. 353–354.
- ⁹ Андреев Д. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // «НЛО». 2008. № 90. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5-pr.html> (дата обращения: 24 ноября 2013 г.).
- ¹⁰ Квакин А. В., Постников Е. С. Указ. соч. С. 357.
- ¹¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО) Ф. 27. Оп. 3. Д. 425. Л. 26.
- ¹² ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 832. Л. 58.
- ¹³ Там же. Оп. 4. Д. 372. Л. 68.
- ¹⁴ Там же. Д. 328. Л. 7.
- ¹⁵ Купайгородская А. П. Советская высшая школа в 1917–1928 гг. : дис. ... д-ра истор. наук. Л., 1990. С. 257–258.
- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 769. Л. 12.
- ¹⁷ Там же. Ф. 92 Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
- ¹⁸ Там же. Ф. 27. Оп. 4. Д. 769. Л. 12.
- ¹⁹ Там же. Л. 15.
- ²⁰ Там же. Л. 11.